

**РОССИЙСКИЕ
УНИВЕРСИТЕТЫ**
в XVIII – XX веках

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В XVIII—XX веках

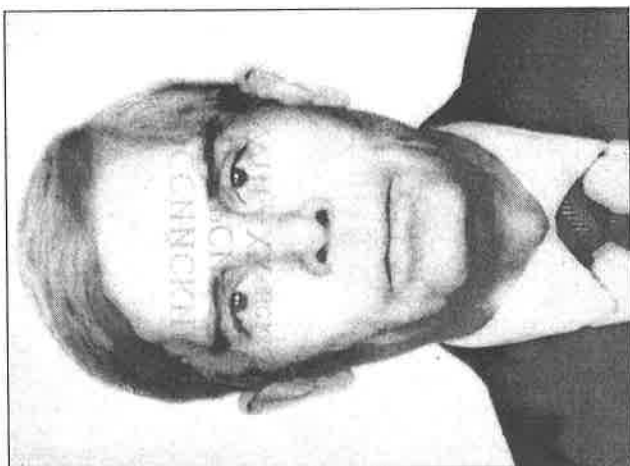
Сборник научных статей

В ы п у с к 6

Светлой памяти
Владимира Ивановича Чеснокова
п о с в я щ а е т с я

Издательство
Воронежского государственного
университета
2002

ББК 63.3(2)521
Р76

Редакционная коллегия

проф. Л. М. Искра (отв. редактор),
проф. И. И. Борисов, проф. А. З. Винников,
проф. В. В. Гусев, проф. Л. П. Лаврова (Москва),
доц. Т. Н. Попова (Одесса), доц. С. И. Посохов (Харьков),
канд. ист. наук А. В. Макашин (отв. секретарь)

Российские университеты в XVIII—XX веках: Сб. науч. статей: Вып. 6. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. — 208 с.
ISBN 5-7455-1236-9

Настоящий выпуск сборника посвящен памяти его основателя и ответственного редактора (вып. 1—5) доцента В. И. Чеснокова. Почти все публикуемые здесь работы являются материалами состоявшейся 18—19 мая 2001 г. в Воронеже международной научной конференции «Университеты России как центры исторической науки и исторического образования», посвященной 60-летию исторического факультета ВГУ.

В первом разделе сборника публикуются статьи, посвященные научной деятельности В. И. Чеснокова, видным русским историкам: А. Д. Градовскому, К. Д. Кавелину, С. М. Соловьеву, П. Н. Милокову, В. И. Ламанскому, а также ученым, незаслуженно обойденным вниманием широкой научной общественности. Второй раздел открывается работой В. И. Чеснокова, в которой ставятся актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов. В этом же разделе освещаются важные аспекты научно-педагогической деятельности университетов, а также значимые эпизоды из их истории.

Для преподавателей вузов, школ, гимназий и всех интересующихся историей Отечества.

ББК 63.3(2)521

© Воронежский государственный университет, 2002
© Издательство Воронежского государственного университета, 2002

ISBN 5-7455-1236-9

Р а з д е л I ДЕЯТЕЛИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Л. М. Искра

Воронежский университет

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЧЕСНОКОВ КАК УЧЕНЫЙ

15 июня 2000 г. оборвалась жизнь одного из ведущих ученых Воронежского государственного университета Владимира Ивановича Чеснокова. Безвременная кончина постигла исследователя накануне завершения его главного, многолетнего научного труда и острый болью отозвалась в сердцах тех, кто знал и любил Владимира Ивановича. Бессменный ответственный редактор приобретших широко известность и высоко оцененных специалистами межевзовских научных сборников «Российские университеты в XIX — начале XX века», «Российские университеты в XVIII—XX веках» (1993—2000 гг., вып. 1—5), декан исторического факультета ВГУ с 1975 по 1983 г., зав. кафедрой новейшей отечественной истории и историографии с 1987 по 1997 г., ученый секретарь диссертационного совета, многолетний председатель научно-методического совета факультета — вот далеко не полный перечень постов и должностей, на которых В. И. Чесноков проявил свои научные, административные и организаторские дарования. Если же говорить о самой характерной черте Владимира Ивановича, то ею является его редкая в наше прагматическое время преданность науке. Ей он приносил в жертву буквально все: здоровье, покой, материальное и прочее благополучие.

Жизненный путь В. И. Чеснокова начался на Орловской земле. Здесь 7 мая 1939 г. в с. Богдановка Урицкого района, в семье сельских учителей родился будущий ученый.

© Искра Л. М., 2002

Тверь, 1998. С. 99—109; О н а ж е. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX века — 1917 г.). М., 1978. С. 188—212 (здесь имеется характеристика взглядов Пальмова на гуситское движение).

⁶ О В. Э. Регеле имеется теперь уже достаточная литература, список ее приведен в: Л а п т е в а Л. П. В. Э. Регель как исследователь «Хроники» Козьмы Пражского и ее оценка в современной историографии // Ист. зап. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 93—105. В данной статье характеризуется, в частности, указанная работа В. Э. Регеля.

⁷ Сведения о нем см.: Журнал Санктпетербургского Славянского Благотворительного Общества. 1885. № 2. С. 93—94. Характеристика его взглядов на гуситское движение содержится в кн.: Л а п т е в а Л. П. Русская историография гуситского движения... С. 215.

⁸ ЖМНП. 1877. Ч. 192, № 8. Отд. 8. С. 253—260.
⁹ K o f t a К. Novější badání o husitství a hnutí husitském // Český časopis historický. 1915. 21. S. 131.

¹⁰ Странник. 1878. Март. С. 1—46.

¹¹ Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского... СПб., 1883. С. 119—126. Чешский вариант той же статьи: А п н е к о в J. Příspěvek k životopisu Petra Chelčického // Časopis Musea Království Českého. 1900. 54. S. 537—541.

¹² Сочинения Петра Хельчицкого. I. Сеть веры. — II. Реплика против Бискупца. Труд Ю. С. Анненкова... Окончил И. В. Ягич. СПб., 1893 (542 с.).

¹³ См. об этом: Л а п т е в а Л. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии // Folia Historica Bohemica. 1985. 9. S. 175 — 227. Curriculum vitae.

¹⁴ ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16107. Л. 31 — (1908 г.).

¹⁵ Н. В. Ястребов — А. С. Лапко-Данилевскому. 26 февраля 1900 г. // ПФАРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 354.

¹⁶ См.: Я с т р е б о в Н. Отчет о командировке за период с 1 октября 1900 по 1 октября 1901 г. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. Академии наук. 1902. Т. 71. С. 75.

¹⁷ До 1917 г. о Ястребове написано мало, творчество его не освещалось и стало известно сравнительно недавно см.: L a r t ě v o v á L. P. Ruský historik N. V. Jastrebov a jeho stuju s Čechami a Pražskou univerzitou // Acta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 1989. Т. 29. Fasc. 1. S. 13—52; Л а п т е в а Л. П. Историк-славист Николай Владимирович Ястребов (1869—1923) // Биография исследователя как жанр славистики: Сб. науч. тр. Тверь, 1991. С. 65—81; О н а ж е. Николай Владимирович Ястребов // Историки России XVIII—XX вв. М., 1999. Вып. 6. С. 37—45.

¹⁸ ПФАРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 476: Флоринский — Ягичу. 4 февраля 1907 г.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 293. Л. 219 — представление преподавателя Киевского учебного округа министерству народного просвещения от 27 апреля 1888 г.

²⁰ Ввиду данного обстоятельства писали об ученом немного. См. о нем: Л а п т е в а Л. П. Профессор Киевского университета св. Владимира Т. Д. Флоринский // Российские университеты в XVIII—XX веках: Сб. науч. тр. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 134—148. В этой статье имеется и подробная библиография.

²¹ Из немногочисленной литературы об А. Л. Погодине укажем на следующие работы: С о л о в е в А. В. Александр Львович Погодин (к 10-летию со дня кончины) // Кр. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. 1958. Вып. 23. С. 87; S i e l i c k í F. Alexandr Pogodin // Ruch literacki. 1978. R. XIX. 2. 4/5 (109/110). S. 335—359; В о г т н о w s k í W. Polsko-gosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 174—195; Л а п т е в а Л. П. Русская послереволюционная академическая эмиграция в Югославию (А. Л. Погодин) // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 97—104.

²² А. Л. Погодин — В. А. Францеву из Белграда. 4 сентября 1932 г. // LARNP. Sig. 1. 27/22.

²³ А. Л. Погодин — В. А. Францеву. 27 июля 1924 г. // Там же.

О. К. Малютина

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Д. КАВЕЛИНА

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885 гг.) — историк, правовед, философ, публицист, один из виднейших и влиятельнейших деятелей русской общественной мысли 40—80-х гг. прошлого века. Преодолавание истории русского законодательства в Московском (1844—1848), а затем в Петербургском (1857—1861) университетах побудило его к выработке собственной концепции исторического развития России, которая нашла отражение в следующих работах ученого: «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), «Краткий взгляд на русскую историю» (1864), «Мысли и заметки о русской истории» (1866).

© Малютина О. К., 2002

Дореволюционная историография, рассматривая К. Д. Кавелина как основателя государственной школы, отмечала серьезные заслуги историка, который впервые предложил научно-филологическое объяснение русского исторического процесса, выработал систему периодизации русской истории не по внешним признакам, а исходя из закономерностей внутреннего развития страны¹. Однако П. Н. Милюков, останавливаясь на анализе схемы исторического развития России, изложенной в наиболее ранней работе К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», отмечал присущую построению абстрактность и философичность в ущерб содержательной наполненности, историчности². О. М. Коялович рассматривал наследие «зрелого» Кавелина 60-х гг., но не выделял его как новый этап в развитии творческой мысли ученого³.

Советская историография привнесла в оценки представителей государственной школы классовый подход. Их мировоззрение рассматривалось как классово ограниченное, они обвинялись в формально-юридической трактовке исторического процесса, в апологии государства, признании за ним ведущей роли в развитии России и, следовательно, недооценки значимости народных масс. Выявление этих тенденций помогло советским исследователям вскрыть «свойственное государственным» сближение с официально-монархической историографией и подчеркнуть противоположность их взглядов историческим воззрениям революционных демократов⁴.

В конце 70-х гг. наблюдался более взвешенный подход в оценке государственной школы. Так, А. Н. Цамутали наряду с характеристикой недостатков, присущих буржуазной историографии, отмечал и значительные достижения государственной школы, в частности К. Д. Кавелина как ее основоположника. По его мнению, заслуги ученого состояли в выявлении принципа историзма, использовании нового философского подхода к пониманию русского исторического процесса, признании закономерности его развития⁵.

Современные российские исследователи А. Н. Медушевский, Л. М. Искра, В. А. Китаев стремятся дать объективную характеристику исторического наследия К. Д. Кавелина, сосредотачивают внимание на изучении методологической основы его построений, четче выделяют этапы развития его исторических взглядов⁶.

Фактически неизученным в исследовательской литературе работам 60-х гг. («Краткий взгляд...», «Мысли о...») сам К. Д. Кавелин придавал большое значение, рассматривая их как резюме своих «исторических и политических убеждений и верований», называя их своей «лебединой песней» в области русской истории⁷. Задача автора статьи состоит в раскрытии малоизученных страниц творчества К. Д. Кавелина, осмыслении динамики изменений исторических представлений ученого, выявлении эволюции его воззрений на российский исторический процесс.

Итак, развитие исторической науки второй четверти XIX в. выявило объективную необходимость концептуального осмысления процесса исторического развития России. Уже в предшествующий период была проделана большая работа по сбору фактического материала и критике источников. Все более явно ощущалась необходимость его теоретического обобщения. Первая историческая работа К. Д. Кавелина «Взгляд на...» сделала ему имя в исторической науке и способствовала закреплению за ним статуса родоначальника государственной школы в историко-графической традиции. Методической основой исторических построений ученого стала философская система Гегеля.

Рассматривая русский исторический процесс, К. Д. Кавелин справедливо отменял большую роль государства в нем. Однако это наблюдение было не оригинально. Роль государства в русской истории подчеркивали историки и предшествующего поколения, а Н. М. Карамзин так и назвал свой обобщающий труд: «История государства Российского». То новое, что внес К. Д. Кавелин, состояло не только в попытке констатировать это явление, но и, используя достижения гегелевской философии, понять его внутреннюю логику, закономерности, процесс развития. Впервые в центре внимания исследователя оказалась проблема генезиса русской государственности. Определив основополагающую тенденцию подхода к изучению русской истории, по мнению К. Д. Кавелина, осталось «только понять, так сказать, почву, элемент, в которых совершалась государственная жизнь и усвоить законы ее развития — и дело сделано, задача решена, взгляд на русскую историю создан»⁸.

Решая задачу периодизации русской истории, К. Д. Кавелин опирался на основные выводы профессора Дерптского университета Йогана Филиппа Густава Эверса (1781—1830 гг.), сделанные им в работе «Древнейшее русское право в историческом его

раскрытии». Взяв за основу построенный «родовую теорию» Эверса, К. Д. Кавелин подверг ее дальнейшей, более детальной разработке. Предложенная К. Д. Кавелиным периодизация русской истории включала в себя три этапа: родовый, вотчинный и государственный.

Родовой этап, основными характеристиками которого К. Д. Кавелин считал кровное родство, общее владение, совершенную юридическую неопределенность после смерти Ярослава (1054 г.), сменялся удельным периодом, для которого характерно господство семейного начала, частное владение, зарождение юридических отношений? Особое внимание историк обращал на изучение второго, вотчинного периода русской истории, так как родовый и государственный были рассмотрены в докторской диссертации С. М. Соловьева «История отношений между князьями Рюрикова дома» (1847 г.)¹⁰. К. Д. Кавелин пытался связать проблему власти с земельной собственностью. Удельное право он представлял как семейное, частное право, постепено разрушающее общее родовое владение княжеского рода. Кровные интересы здесь уступают место имущественным, по терминологии К. Д. Кавелина, «территориальным». Разделившись ветви княжеского рода начинают между собой борьбу, в результате которой усиливается один из князей. Сильнейшему было суждено восстановить единство русского государства и превратить его из вотчинника в государя¹¹.

В последующих работах К. Д. Кавелин фактически отказывался от «теории родового быта». В статье «Мысли и заметки о русской истории» он писал, что «на многие вопросы придется теперь отвечать несколько иначе, чем думалось недавно»¹². «Зрелый» К. Д. Кавелин считал, что в основе всех частных и общественных отношений лежал «тип двора или дома во главе с домоначальником, господином». Этот тип отношений, являясь стержневым в русской истории до Петра I, пронизывал всю социальную иерархию великорусского государства, его политическую и экономическую сферы¹³.

В своей ранней работе по истории России ученый большое внимание уделял появлению личностного начала. Закон развития русской истории, по К. Д. Кавелину, состоит в постепенном отрицании исключительно «кровного быта», пронизывающего родовый и семейный, вотчинный этапы развития и образования личностного начала, появившегося на исторической

сцене в момент возникновения сильного государства. Создание Московского централизованного государства под началом Ивана Калиты способствовало политическому объединению Руси и пробуждению личностного начала. Постепенное освобождение личности от родовых понятий, а государства — от вотчинных составляет содержание русской истории с Ивана III до Петра I.

Интересно, что у Гегеля господство личности есть признак неразвитости общественного союза, К. Д. Кавелин же с появлением личности связывает особый, высший этап исторического развития. История движется там, где есть развитая личность. «Личность, — писал К. Д. Кавелин, — сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа»¹⁴. Весь процесс «всемирно-исторического действия народов» ученый выстраивал на основе развития личностного начала.

Сопоставляя историю России и Запада, К. Д. Кавелин замечал, что западной цивилизации изначально присуще «глубокое чувство личности»¹⁵. Варварские германские племена, вторгнувшись в Европу и впоследствии образовавшие там государства, смогли заимствовать достижения греко-римской цивилизации и христианские идеи, пронизанные личностным началом.

Славянские народы не имели такой благоприятной исторической почвы, у них, в сравнении с европейцами, были разные стартовые возможности, поэтому особым достижением исторического развития России К. Д. Кавелин считал выработку в собственных недрах, собственными силами того, что Западу было дано изначально — личностного начала¹⁶.

Статья К. Д. Кавелина была написана в момент острой полемики между западниками и славянофилами. Одним из наиболее спорных был вопрос об историческом пути России. Славянофилы утверждали, что начиная с Петра I Россия потеряла национальную самобытность, произошла нравственная порча народа и разрушение органической жизни нации в результате восприятия Россией западных ценностей. А наиболее яркой представитель западничества П. Я. Чаадаев исходил из того, что у русского народа нет и не было своей истории, поскольку в нем отсутствовало сознание свободы личности и ее прав¹⁷. Заслуга К. Д. Кавелина перед русской общественной мыслью заключалась в том, что, преодолевая чаадаевскую концепцию, он впи-

сал личность в русскую историю, обосновав закономерность ее появления.

С возникновением личностных начал, по мнению К. Д. Кавелина, Россия преодолела ту пропасть, которая разделяла ее с Европой, существенные различия между ними оставались в прошлом. Вступив на путь «общечеловеческого развития», Россия подчинялась тем же историческим законам, которые определяли развитие Европы. «Цели, задачи, стремления, дальнейший путь, — писал К. Д. Кавелин, — у нас один»¹⁸.

Долгие годы советская историография рассматривала статью «Взгляд на...» как «программный документ западничества». Аргументы были сведены к следующему: показывая вхождение России в европейскую цивилизацию, К. Д. Кавелин фактически приписывал значение собственно национального исторического развития. Современный исследователь И. Д. Осипов считает, что К. Д. Кавелин стремился «дистанцироваться» от западников и славянофилов, выработав свой оригинальный подход к осмыслению русской истории¹⁹. Нам кажется, что К. Д. Кавелин не являлся столь радикальным западником и не отстранялся от проблемы, возникшей между западниками и славянофилами, а, напротив, в рамках этого спора стремился к примирению дискутирующих сторон, выработав компромиссный вариант, предостерегающий в равной степени как от переоценки роли «русского начала» в новейшей истории, так и от недооценки его в прошлом.

В 60-е гг. К. Д. Кавелин отказался от концепции русской истории, построенной на развитии начал личности, но оставил идею неизбежного схождения путей России и Запада, но уже не как конечный пункт отечественного исторического развития, а как промежуточный этап во вновь разработанной периодизации русской истории.

Главнейшую жизненную задачу, стоявшую перед русским народом, К. Д. Кавелин видел в создании государства. К XI—XII вв. она была решена²⁰. Однако «тип дома или двора», лежащий в основе всего «внутреннего быта» этого государства, к концу XVII в. исчерпал себя, а иных элементов, на основе которых могло бы осуществиться дальнейшее развитие России в «недрах собственной жизни», историк не находил. Только иной образцы развития мог стать своеобразной заповедью для внутреннего развития «односложного общества», тем более, что «умственное и нравственное» влияние западных культур Россия чув-

ствовала на себе всегда: сначала это были византийцы, затем, начиная с Ивана III, параллельно литовско-польский и европейский «образовательные элементы»²¹.

Второй период в историческом развитии России К. Д. Кавелин связывал с именем Петра I. Реформы 60-х гг. XIX в. должны завершить «заимствования у Европы». Исторический смысл растянувшейся более чем на полтора столетия «петровской эпохи», по мнению К. Д. Кавелина, заключался не столько в прививке и развитии новых форм жизни, сколько в приоткрытии к «самостоятельной и сознательной народной жизни». Европейский элемент стал тем оселком, на котором оттачивается самосознание русского народа. К. Д. Кавелину еще не совсем были ясны социально-политические контуры наступающего, третьего периода русской истории, но он знал, что по реформенная Россия, оставаясь европейской страной и обогащаясь западными достижениями, будет развиваться, опираясь на собственные исторические корни.

Таким образом, историческая схема К. Д. Кавелина строилась с использованием гегелевского диалектического подхода к процессу исторического развития и выступала в форме триадичного построения, однако результатом на этот раз стало выявление самостоятельной исторической значимости России.

В 1867 г. К. Д. Кавелин признавался своему племяннику, профессору Казанского университета К. Д. Корсакову: «Наши теории 40-х годов исходили из общих начал, взятых из фактов западноевропейской политической и общественной жизни. Поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни: центр их тяжести, их статив находился в Европе»²².

Почему же историческая концепция К. Д. Кавелина претерпела значительные изменения? Во-первых, историческая наука не стояла на месте, накапливался новый фактический материал, разрабатывались ранее не известные источники, и К. Д. Кавелин использовал это в своей работе. Во-вторых, наблюдения за результатами бурного капиталистического развития Европы (преобладание города над деревней, монополизация капитала, формирование крупной буржуазии и беднейшего пролетариата, неизбежность социальной борьбы между ними) приводили К. Д. Кавелина к мысли о неизбежной гибели европейской цивилизации. Находясь на уровне развития общественной науки

своего времени, К. Д. Кавелин не замечал в России ярко выраженных признаков буржуазного развития и делал вывод о том, что этой аграрной стране присущ специфический путь развития. Европа же выполнила свою историческую миссию, став исходным материалом формирования новой цивилизации.

В начале 80-х гг. К. Д. Кавелин еще более укрепился в своих выводах, наблюдая в России становление «нового и оригинального, другого и может быть более правильного»²³. Он сравнивал Россию с орленком, который «оперился, начал чувствовать себя и свои силы. Суровая европейская школа, в которой он до сих пор рос, стала тяготить его. Орленок начал понемногу исправлять свои крылья и пробовать летать»²⁴.

Таким образом, несмотря на ошибочность исторических построений К. Д. Кавелина, четко прослеживается стремление ученого осмыслить процесс исторического развития России в целом, во взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Сам К. Д. Кавелин по этому поводу писал: «Возможность в одно и то же время судить историческое явление на основании прошедшего и частично будущего расширяет круг зрения, рождает многосторонний взгляд на предмет, освобождает от исключительности, легко переходящей в ограниченность»²⁵.

По существу, выработанный Гегелем принцип историзма стал основой, важнейшим элементом мировоззрения К. Д. Кавелина и впервые был применен им для объяснения отечественной истории.

Интересны размышления К. Д. Кавелина о роли личности в истории. Особое внимание он сосредоточивал на наиболее колоритных исторических фигурах — Иване Грозном и Петре Великом.

Дворянская историография, начиная с Н. М. Карамзина, характеризовала Ивана IV резко отрицательно. Факты жестокостей его царствования сводились исключительно к психологическим особенностям его личности, при этом Грозному давалась абстрактная, отвлеченная, а не фактическая, во всей ее сложности историческая характеристика.

К. Д. Кавелин и в ранних и в более поздних работах оценивал период правления Ивана Грозного как преддверие эпохи Петра²⁶. По К. Д. Кавелину, Иван IV — «благородная душа» — первый начал борьбу с косной патриархальной средой и возвел идею государства. Он стал выдвигать на службу людей незнатного происхождения на основании их личных достоинств. Иван предпринял первую попытку создать служилое дворянство

на основе опричнины. Согласно К. Д. Кавелину, он — трагическая фигура русской истории, во многом не принятая современниками и не понятая потомками. «За какие реформы не принимался Иван, все они ему не удались потому, что в самом обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей»²⁷. Грозный — это пример не реализовавшейся, не сумевшей совладать с неблагоприятными историческими обстоятельствами сильной личности на троне.

Таким образом, можно сказать, что К. Д. Кавелин впадал в соблазн романтической идеализации Грозного, однако он сумел преодолеть односложный подход Карамзина к столь противоречивой исторической фигуре.

Петр Великий был идеалом К. Д. Кавелина. О трепетном отношении историка к Петру писал А. Кони: «О нем он говорил с умилением, восхищался всюду встречаемыми следами того, «кому в царях никто не равен», и преклонялся перед его гениальной энергией, основанной на вере в способности, в призвании своего народа»²⁸. Реформы, произведенные этой яркой, творческой, оригинальной личностью, К. Д. Кавелин признавал органическим, т.е. имеющим внутреннюю связь с предшествующим развитием, явлением русской истории. Со смертью Петра реформы, им начатые, не прекратились, а, напротив, «вызвали к деятельности дремавшие в России громадные силы и развили их в невиданных размерах»²⁹. Отстаивая закономерность петровских преобразований, К. Д. Кавелин спрашивает: «Неужели старая Русь до такой степени была несамобытна и мягкотела, что один человек, даже гениальный, смог вылепить из нее то, что ему было угодно?»³⁰. Заостренная полемика этого высказывания К. Д. Кавелина была направлена против М. П. Погодина, считавшего реформы XVIII в. результатом личного произвола Петра.

Однако, высоко оценивая Петра, защищая обусловленность и необходимость проведенных им преобразований, ученый оставил вне поля зрения оборотную сторону, ту цену, которую пришлось за них заплатить народу.

Таким образом, К. Д. Кавелин являлся основоположником государственной школы, отстаивавшим идею определяющей роли государства в развитии России. Ученый стремился проследить эволюцию государственных отношений, развитие правовых норм и институтов власти, однако на основании этого нельзя безапел-

ляционно зачислять его в ряды апологетов государства, так как в соответствии с убеждениями «зрелого» К. Д. Кавелина в по-реформенной России государственное влияние должно сокращаться, уступая место общественной и личной самостоятельности.

Выработанная К. Д. Кавелиным концепция исторического развития России не осталась неизменной на всем протяжении его творчества. Развитие исторической науки помогло преодолеть свойственную первоначальному построению абстрактность, а изменение исторической ситуации вследствие реформ 60-х гг. повлияло на переосмысление исторической значимости России в процессе всемирного развития. В целом, подходу К. Д. Кавелина к изучению истории России свойственна диалектичность, опора на принцип историзма, желание вскрыть ее внутренние закономерности, доказать органичность и размышления ученого о роли развития. Заслуживают внимания и справедливо мнение личности в истории народа и государства, справедливо мнение К. Д. Кавелина о значимости, величии той личности, которая понимает общественные потребности и направляет свою деятельность в русло их реализации.

¹ См.: Милюков П. Н. Юридическая школа в русской истории (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич)//Русская мысль. 1886. Кн. 5. С. 80—92; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. 603 с.

² См.: Милюков П. Н. Указ. соч. С. 85.

³ См.: Коялович М. О. Указ. соч. С. 395.

⁴ См.: Иллерицкий В. Е. Государственная школа // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 103—129; Он же. О государственной школе в русской историографии// Вопросы истории. 1959. № 5. С. 141—159; Демченко А. А. Из истории размежевания революционных демократов с либералами (Чернышевский и Кавелин) // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. М., 1979. Вып. 9. С. 22—39.

⁵ См.: Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии. Л., 1977. С. 41, 60, 161.

⁶ См.: Мелушевский А. Н. Гегель и государственная школа русской историографии//Вопросы философии. 1988. № 3. С. 103—116; Китев В. А. К. Д. Кавелин: между славянофилами и западниками // В раздумьях о России (XIX). М., 1996. С. 243—272; Искра Л. М. Б. Н. Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995. 216 с.

⁷ Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки (РОРНБ). Ф. 226. Грот К. К. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 4.

⁸ См.: Коялович К. Д. Взгляд на юридический быт древней России / Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 15.

⁹ См.: Там же. С. 24.

¹⁰ См.: Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 22.

¹¹ См.: Коялович К. Д. Указ. соч. С. 45—46.

¹² Там же. С. 182.

¹³ См.: Там же. С. 209—215.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ См.: Там же. С. 58—59.

¹⁷ См.: Чадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 270.

¹⁸ Коялович К. Д. Указ. соч. С. 61.

¹⁹ Осипов И. Д. Философия русского либерализма XIX—XX в. СПб., 1996. С. 92.

²⁰ См.: Коялович К. Д. Указ. соч. С. 183.

²¹ Там же. С. 170.

²² Вестник Европы. 1887. № 2. С. 125.

²³ Коялович К. Д. Освобождение крестьян и г. Фон Самсон-Гиммельстиерна // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 601.

²⁴ Там же. С. 600.

²⁵ Рукописный отдел Института истории русской литературы (РОИРИ) Пушкинский дом) Ф. 119. Кавелин К. Д. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 16.

²⁶ См.: Коялович К. Д. Наш умственный строй. С. 49, 222.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ РОРНБ. Ф. 226. Грот К. К. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 8.

²⁹ Коялович К. Д. Наш умственный строй. С. 230.

³⁰ Там же. С. 246.

Т. Е. Плященко

Воронежский университет

НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Д. ГРАДОВСКОГО

Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889) — историк права, профессор государственного права Санкт-Петербургского университета, принадлежал к младшему поколению историков государственной школы. В отечественной историографии

© Плященко Т. Е., 2002

являясь в мае 1945 г. крупная конференция, посвященная 220-летию АН СССР. В 1945 г. в Воронеже были изданы два сборника трудов ученых университета, в которых излагались результаты около пятидесяти научных исследований⁶. Хотя война надолго затормозила дальнейшую гуманитаризацию образования и развития ВГУ, но, пройдя через все испытания и кризисы военных лет, Воронежский университет выстоял и сохранил для российской науки лучшие кадры, опыт и традиции, подготовил сотни высококвалифицированных специалистов и научных работ. В 1941—1945 гг. ВГУ передал фронту сотни стойких бойцов и командиров и внес заметный вклад в Фонд Оборонной страны, защиту отечественной государственности, победу над фашизмом и восстановление г. Воронежа как одного из основных очагов российской культуры.

¹ ЦДНИ ВО. Ф. 3. ОП. 1. Д. 5971. Л. 62.

² Там же. Д. 6719. Л. 19 об.

³ ГАВО. Ф. 33. ОП. 1. Д. 265. Л. 42 об.

⁴ Там же.

⁵ См.: Козоланский Б. М. Случай превращения биоморфкультурных растений и значение их // Тр. ВГУ. Воронеж, 1945. Т. 13, вып. 1. С. 46—50.

⁶ См.: Систематический указатель научных работ сотрудников университета. 1918—1953 год. Воронеж, 1956.

РАЗДЕЛ I

ДЕЯТЕЛИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Искра Л. М. Владимир Иванович Чесноков как ученый	5
Золотарев В. П. Парадоксы С. М. Соловьева (О философии истории профессора)	24
Зезегова О. И. Деятельность профессора В. В. Бирюковича в советских войсках	38
Зубов С. В. М. Н. Галкин-Враской и Саратовский университет	58
Лаптева Л. П. В. И. Ламанский (1833—1914) и его историческая школа	68
Малютина О. К. Концепции исторического развития России в творчестве К. Д. Кавелина	83
Плященко Т. Е. Научная и общественная деятельность А. Д. Градовского	93
Трибунский П. А. Курс русской историографии П. Н. Милокова в Московском университете	111
Солодкин Я. Г. П. Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики XVI—XVII веков в Санкт-Петербургском университете)	130
Шумейко Д. А. Проблемы периодизации поэмы и новейшей истории в творчестве П. М. Бицилли	133

РАЗДЕЛ II

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

Чесноков В. И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов	141
Алехова В. А. Становление историографического направления научно-исследовательской и учебной деятельности исторического факультета Воронежского государственного университета	146
Алексева Л. В. Аграрная история Урала 1920—1930-х годов в трудах ученых Курганского государственного университета	161
Иванов Ю. Ф. Московский университет 1911 году	164
Листенгаerten В. С. Традиции российских университетов в современной вузовской практике	177
Михальченко С. И. Исторические дисциплины на юридическом факультете Варшавского университета (1869—1917)	181